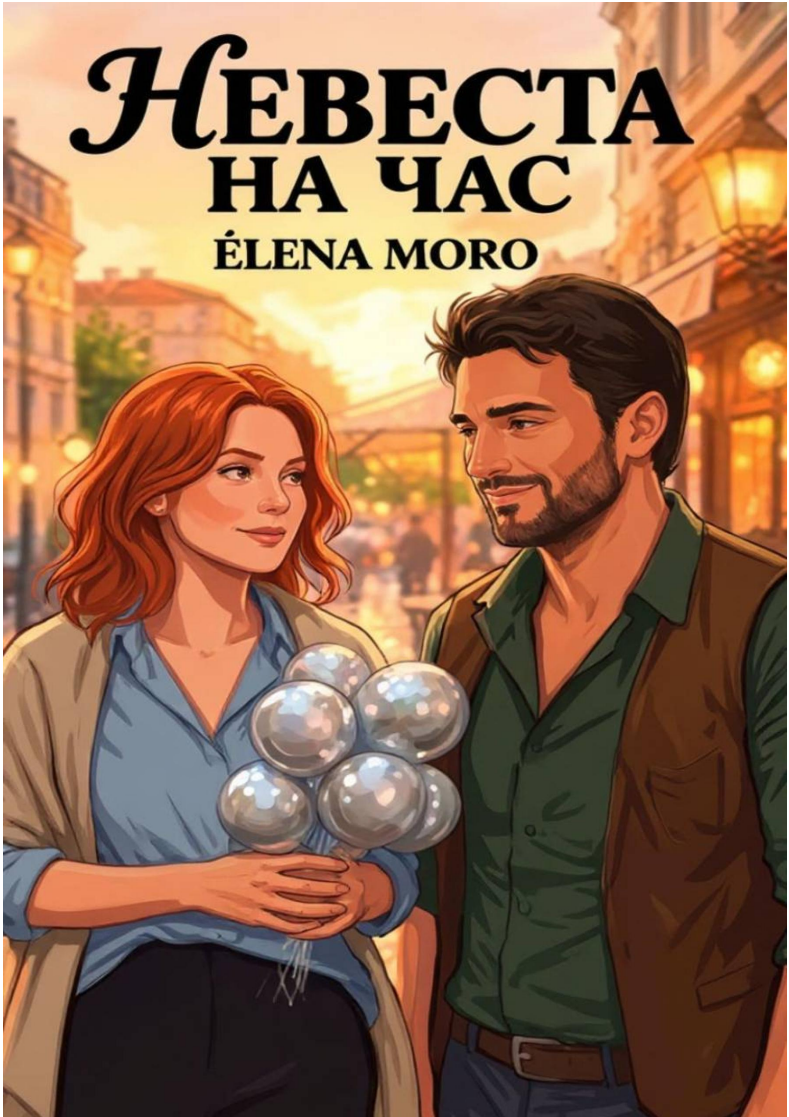
НЕВЕСТА
НА ЧАС
ÉLENA MORO

Élena Moro
Невеста на час

https://litres.ru/74909818
SelfPub; 2026

Аннотация

Согласиться сыграть невесту на один вечер - что может пойти не так?

Маша - организатор мероприятий, у которого в личной жизни всё вечно не складывается. Клиентов много, свиданий - нет. Поэтому, когда заказчик - строгий Николай из строительной компании - предлагает ей сделку («изобрази мою невесту на юбилее бабушки, и вопрос закрыт»), она соглашается. Всего один вечер, чистая работа, никакого романа.

Только вот юбилей проходит не по сценарию. А после него Маше начинают приходить сообщения с неизвестного номера:

«Не верьте Николаю и бабушке». «Ты уже в игре». «Ты многое знаешь. Тебя нужно убрать».

Теперь невеста на час - не миссия, а цель. И чтобы понять, кто стоит за игрой, придётся разобраться, какие тайны хранит семья жениха... и почему бабушка так отчаянно нуждалась в невесте именно сегодня.

Читайте и узнайте всё...

Новые главы - каждую неделю.

Содержание

Глава 1. Мужчина, которому срочно понадобилась жена 4
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Élena Moro
Невеста на час

Глава 1. Мужчина, которому срочно понадобилась жена

В прекрасное июльское утро город просыпался нехотя, как офисный работник в понедельник: фонари гасли неохотно, автобусы и машины на остановках «ворчали», а первые пешеходы шагали с видом людей, которые точно знают, что забыли что-то дома. Воздух пах кофе из открывающихся кофеен и лёгким предчувствием дождя, но не того романтического, под котором целуются в кино, а такого, что заставит тебя бежать к метро, прижимая к груди папку с документами, при этом нашёптывая себе: «Дорогие мои ножки, не подведите меня!».

В тот понедельник Мария Власова опаздывала на работу, но выглядела так, будто только что спасла праздник от международного заговора. Маша – тридцать пять лет та самая девушка, которую в глянцевых журналах называют «естественной красотой», она харизматичная, остроумная, но немного циничная. Ростом 165 см: в толпе не теряется, но до верхних

полок добирается только со стулом. Фигура «песочные часы с бонусом», диеты игнорирует ради круассан. Карие глаза с золотыми крапинками за минуту успевают сказать: «Я гений» и «Я тебя придушу». Рыжие волосы живут по принципу «после урагана», а одежда сочетает деловой шик, богемная небрежность и шарфы на случай плохого дня. В общем, натура творческая и слегка хаотичная. Скептически относится к романтическим жестам.

Боится показать настоящие чувства, поэтому прячет их за шутками и сарказмом: «Любовь – это хорошо, но хорошо организованный праздник – лучше». Так она говорит, но в глубине души мечтает о человеке, который оценит её страсть к деталям и будет терпеть привычку рисовать каракули на салфетках в кафе. «А романтика – это не только свечи и лепестки роз. Лепестки роз красиво, но потом их пылесосить. Свечи романтично, но могут загореться шторы. А настоящая романтика для Маши – это когда кто-то без напоминаний приносит любимый кофе американо, двойной, чуть тёплый с каплей ванильного сиропа, но без взбитых сливок, особенно если это происходит в 8.03 утра, когда она ещё наполовину спит и наполовину мечтает «убить» будильник. Вот это, считай, почти клятва верности, только вкуснее.

Она мчалась в агентство «События мечты» и в этом стремительном движении читался весь её профессиональный кодекс. В одной руке папка с договорами, в другой стакан кофе, а под мышкой она героически пыталась удержать связку се-

ребряных воздушных шаров. Но шары, будто сговорившись, вели себя как своенравные акробаты: один упорно тянул её вверх, словно намекая, что пора осваивать полёты, второй цеплялся за каждого встречного, устраивая мини переговоры с прохожими, а третий уже уютно устроился в её рыжих волосах, похоже, всерьёз решил прописаться там надолго.

В своей профессии она твёрдо придерживалась двух железных правил. Первое: никогда не верить тому, кто с уверенным видом произносит: «Я всё предусмотрел». Второе: всегда иметь запасной план. А лучше – сразу два. На случай, если первый вдруг решит последовать примеру воздушных шаров и сорвётся с намеченного курса.

Поздоровавшись с коллегами (и мысленно выдохнув, что сегодня никто не просит «сделать красиво за пять минут»), Маша подошла к своему рабочему месту – к той самой зоне контролируемого хаоса, которая на деле больше напоминала штаб-квартиру творческого апокалипсиса. На столе высилась стопка визиток с пометками: «позвонить», «забыть навсегда», «может быть, если вдруг станет скучно жить». Рядом дремал блокнот, исписанный и изрисованный эскизами будущих декораций настолько смелыми, что даже опытные художники поглядывали на него с уважением и лёгким испугом. Тут же стояла любимая чашка с гордой надписью: «Организатор, а не волшебник» на случай, если кто-то вдруг решит попросить сотворить чудо. А рядом примостилась миниатюрная фигурка единорога: «чтобы напомнить себе, что

чудеса всё-таки бывают… ну, или хотя бы чтобы было кому кивнуть, когда все вокруг говорят, что это невозможно».

День тянулся, как резинка, которую кто-то упорно растягивал: дел было столько, что их хватило бы на троих супергероев и одного очень трудолюбивого робота. Но ближе к вечеру мысли в голове Маши сорвались с поводка и понеслись скакунами по ипподрому паники да так, будто ставки были не на секунды, а на её душевное спокойствие. «А вдруг он не придёт?» – мелькало в голове. «А вдруг придёт слишком рано?» «А вдруг я забыла, как привлекательно улыбаться, и теперь умею только нервно хихикать?» «А если я не выберу наряд за пять минут, придётся идти на свидание в халате. А это, знаете ли, уже не кокетство, а заявка на отдельный жанр – романтический триллер с элементами драмы и лёгкой самоиронии».

Маша в очередной раз подумала, что свидание – это такой хитроумный квест, где главный приз… хотя бы не споткнуться на каблуках. Ты натягиваешь платье, в котором каждый вдох, как достижение в экстремальном спорте, втискиваешься в туфли, где пальцы явно чувствуют себя лишними, и выдаёшь улыбку, будто жизнь – сплошной праздник. А внутри всё вопит: «Хочу домой, в пижа-а-амку, где можно дышать, сидеть как хочется и вообще быть человеком, а не глянцевой версией себя!»

Подготовка к сегодняшнему вечеру напоминала Маше не романтический ритуал, а полноценную спецоперацию с чёт-

ким планом действий. Сначала – разведка: «Что надеть, чтобы выглядеть стильно, но при этом не превратиться в новогоднюю ёлку?» Потом – диверсия: попытка укротить волосы, которые, кажется, заключили тайный союз с законом гравитации и категорически не хотели лежать ровно. Дальше шла маскировка: тональный крем в роли секретного агента, призванного скрыть следы бессонной ночи и философских раздумий о смысле жизни. И наконец – финальный бросок: пара пшиков парфюма, чтобы пахнуть как нормальный человек, а не как цветущий сад в разгар мая, когда ароматы настолько насыщенные, что от них хочется надеть солнцезащитные очки и искать тень. Платье сорвалось с вешалки так стремительно, словно решило сбежать от всей этой суеты. Туфли, кажется сговорившись, «разбегались» по комнате: одна закатилась за шкаф, вторая притаилась у двери. А косметичка вела себя как опытный партизан: надёжно окопалась под кроватью и не подавала признаков жизни ровно до того момента, когда часы издевательски пробили: «Пора! Опаздываем, ааа!»

Минут через тридцать (которые по ощущениям тянулись как три серии драматического сериала) Маша наконец застыла перед зеркалом, бережно поправляя локоны, уложенные с таким старанием, будто от их идеальной гладкости зависела судьба мира. На ней красовалось то самое красное платье для «особых случаев» – в её гардеробе оно числилось как «боевой наряд»: эффектный, немного дерзкий и способ-

ный, по её мнению, выручить даже в ситуации «всё пропало». Осмотрев себя с видом строгого эксперта, Маша пробормотала, подмигнув отражению:

– Ну что ж, выглядишь так, – готова покорить мир… или хотя бы одного конкретного человека.

К моменту выхода из дома она чувствовала себя как олимпийский атлет перед стартом: все мышцы напряжены, адреналин зашкаливает, в голове крутится одна мысль: «Только бы не споткнуться на финишной прямой». А финишной прямой, по её скромным подсчётам, был как раз порог кафе – место, где даже самый безупречный образ мог рухнуть от одного неловкого шага.

Кафе «Тёплый уголок» располагалось буквально в пяти минутах от дома Маши – её персональное место силы: тут и уютно, и кормят так, что хочется остаться жить, и даже скидку обещают. Правда, пока только на словах, но сам факт обещания уже грел душу, как чашка горячего какао в промозглый день. В семь вечера Маша вошла в зал и тут же выцепила взглядом Игоря Антипова, того самого коллегу, которого ей с таким энтузиазмом «сосватала» Оля, будто речь шла не о свидании, а о судьбоносном союзе.

Игорь сидел у окна, полностью поглощённый своим телефоном, видимо, решал мировые проблемы или просто прятался от неловкости, как это делают все нормальные люди перед свиданиями. Ему было тридцать пять, и выглядел он так «сошёл с обложки журнала» про успешных профессио-

налов, но без этой раздражающей напыщенности. Высокий, широкоплечий, с такой спортивной статью, что даже простая поза «сидит и смотрит в экран» выглядела как кадр из рекламной съёмки.

Аккуратная лёгкая небритость добавляла ему шарма, серо-голубые глаза смотрели цепко, кажется сразу подмечали все детали – в том числе, возможно, и то, как Маша на секунду замерла в дверях, пытаясь сделать вид, что она не высматривала его, а просто «оценивала интерьер». Тёмно-русые волосы с рыжинкой, рубашка голубого цвета с закатанными рукавами намекала на деловой, но не слишком строгий настрой, а стильные часы на запястье довершали образ человека, который знает цену времени и, хочется верить, готов потратить часть его на разговор с ней. В воздухе едва уловимо витал древесный аромат его парфюма: не кричащий, не навязчивый, а такой, который хочется вдыхать ещё раз, чтобы понять, что это за магия. Сейчас, погружённый в экран смартфона, он выглядел одновременно сосредоточенным и отстранённым. Пальцы с ухоженными, но не «маникюрными» ногтями быстро скользили по экрану. Время от времени Игорь хмурился, постукивая большим пальцем по столешнице – ритм выдавал лёгкое раздражение. Видимо, прочитанное его категорически не устраивало. А затем вдруг расслаблялся, плечи опускались, лицо светлело: словно находил тот самый нужный ответ, который всё ставил на свои места.

– Игорь? – Маша подошла, стараясь вложить в улыбку

максимум непринуждённости, будто она не волновалась ни капли… ну разве что самую чуточку.

– О, привет! – Игорь так поспешно отложил телефон экраном вниз, что у Маши мелькнула мысль: «Наверное, там целая очередь из уведомлений, которые лучше не показывать». Впрочем, она всё же успела краем глаза заметить этот бесконечный список оповещений в мессенджере.

– Я уж думала, ты меня не ждёшь, – пошутила Маша, пряча неловкость за лёгкой иронией, и села напротив, мысленно пообещав себе: «Главное – не смотреть на его телефон. Вообще не смотреть. Ну, разве что одним глазком».

Игорь метнул короткий взгляд на экран и тут же снова поднял глаза.

– Прости, день какой-то сумасшедший. Столько переписки накопилось… Сейчас разберусь и всё внимание тебе, – пообещал он с виноватой улыбкой.

Маша кивнула, заказала любимый чай и попыталась завести разговор: вспомнила недавний корпоратив, рассказала про нелепую историю с кофемашиной, вскользь упомянула, как Оля буквально уговаривала её согласиться на это свидание. Игорь кивал, улыбался в нужных местах. Старался выглядеть искренне вовлечённым. Но его взгляд то и дело сам собой съезжал к тёмному прямоугольнику телефона. Пару раз он будто бы случайно переворачивал гаджет, проверял, не появилось ли новое уведомление, а потом снова делал вид, что целиком здесь, с Машей, и жадно ловит каж-

дое её слово.

Через двадцать минут от бесконечного «я сейчас, одну секунду» у Маши внутри всё сжалось, а лёгкое волнение сменилось тяжёлым, тягучим раздражением… таким, что даже рассказывать истории больше не хотелось. Она лишь коротко отвечала на вопросы, а в голове настойчиво крутилась мысль: «Я тут, а он где-то в переписке». В очередной раз Игорь, пробормотав извинения, быстро пролистал что-то на экране и отстучал пару слов. Маша выдохнула, собрала остатки терпения… и не выдержала:

– Знаешь, я, наверное, зря пришла. Ты вообще не здесь! – сказала она, стараясь, чтобы голос звучал спокойно, а не обиженно.

– Нет-нет, всё в порядке, – он снова отложил телефон. Только в голосе не было настоящей искренности, лишь привычная, чуть усталая забота, какая бывает, когда человек уже мысленно где-то в другом месте. – Просто один срочный вопрос, сейчас закрою и мы нормально поговорим, – пообещал он.

Маша усмехнулась, наблюдая за этим доведённым до автоматизма ритуалом: отложить телефон, бросить виновато-уверенное «сейчас всё решу», а через полминуты снова незаметно к нему потянуться. И в этот самый момент телефон тихо звякнул, экран вспыхнул, и на нём выскочило сообщение: «Ты где? Я уже полчаса жду». Под именем отправителя горело: «Катя». Внутри у Маши всё мгновенно вскипе-

ло, будто кто-то резко подкрутил ручку температуры с «терпимо» до «кипения». Она медленно подняла глаза на Игоря. Тот наконец поймал её взгляд, замер на секунду и потом неловко потёр шею, казалось, что воротник вдруг стал слишком тесным.

– Это не то, что ты думаешь… – начал он, торопливо подбирая слова.

– А что тут думать. – перебила Маша. Голос звучал на удивление ровно. – Ты параллельно с кем-то договариваешься о встрече. А я тут сижу и старательно делаю вид, что всё «нормально».

Игорь открыл рот, но Маша уже встала. Резким, но не грубым движением достала из кошелька пару купюр и положила на стол.

– Не надо ничего объяснять, – сказала она чуть тише, и в этом «тише» было больше твёрдости, чем в крике. – Просто… меня это достало. Не хочу быть тем человеком, с которым сидят, а думают о другом.

Она пошла к выходу, чувствуя, как к горлу подкатывает тяжёлый ком, такой, что даже дышать становилось труднее. За спиной ещё слышался голос Игоря, он что-то торопливо говорил, будто надеялся успеть вставить хоть одно правильное слово, Маша обернулась, но уже не вслушивалась: звук сливался в бессмысленный шум, который хотелось оставить позади. Дверь тихо хлопнула, отрезав этот шум, и уютный, тёплый полумрак кафе вдруг показался душной ловушкой.

На улице было прохладно, почти свежо, и Маша глубоко втянула воздух, словно пыталась смыть с себя это липкое, въевшееся чувство разочарования. Ветер тронул волосы, остудил щёки, и на секунду стало чуть легче – холод снаружи понемногу справлялся с тем, что горело внутри.

С личной жизнью у Маши, правда, всё было ооочень сложно – настолько, что даже её фирменные методы организации всего на свете тут не работали. Ни списки, ни таблицы, ни цветные стикеры, которые обычно творили чудеса и заставляли мир подчиняться логике, в любовных делах оказывались бессильны. Казалось, любовь просто не признавала Excel и принципиально игнорировала пометки маркером.

– Любовь должна случиться естественно, – вздыхала Маша, глядя на очередной недозаполненный «План романтических событий» с графой «Ожидаемый уровень неловкости».

– Ты составляешь расписание свиданий и ставишь им оценку по пятибалльной шкале, – качала головой лучшая подруга Оля, тыкая пальцем в аккуратную колонку «Впечатления: 3/5, слишком много разговоров про погоду». – Это уже не романтика, Маш. Это анализ эффективности с элементами отчётности.

– Ну а как иначе? – оправдывалась Маша. – Надо же понимать, куда двигаться! Может, мне стоит добавить графу «Перспектива второго свидания»? Или сразу «Вероятность совместного просмотра сериала»?

Оля только закатывала глаза и тянула подругу подальше

от блокнотов: – А давай сегодня без метрик? Просто поедим пирожных и будем ругать всех бывших без таблиц и диаграмм. Маша вздыхала, но мысленно уже помечала в голове: «Пункт плана: пирожные – 10/10, разговоры без таблиц – тоже 10/10». Всё-таки привычка структурировать жизнь брала своё.

На следующее утро Маша проводила презентацию для нового клиента и делала это в весьма нестандартной локации: в небольшом ресторане, где аромат свежесваренного кофе странным образом придавал уверенности даже в самые волнительные моменты.

Клиент – Николай Соколов, владелец крупной строительной компании. Приехал лично обсудить ещё одну организацию благотворительного вечера. И уже через десять минут стало кристально ясно: Николай привык держать под контролем всё, что можно измерить, посчитать и зафиксировать в договоре. Всё, кроме личной жизни – тут, похоже, система давала сбой.

Ему было сорок два года, рост 185 см: такой, когда в дверях приходится чуть наклонять голову, чтобы не задеть косяк. Крепкое, но не перекачанное телосложение, осанка – будто с детства учили: «Держи спину, ты же будущий руководитель». Лицо эталон собранности: тёмно-серые глаза смотрели так, словно уже просчитывали смету, риски и сроки до того, как ты успевал открыть рот. Тёмно-каштановые волосы, лёгкая щетина, густые брови, которые придавали взгля-

ду такую серьёзность, что даже официант, подававший воду, невольно выпрямлялся и говорил «конечно» чуть громче обычного.

Одевался Николай сдержанно и практично, кажется, его стиль собирали по чек-листу «как выглядеть внушительно, не привлекая лишнего внимания»: брюки тёмно-синего или графитового цвета, однотонные рубашки (зелёный, бежевый, серый, никаких кричащих принтов), иногда кожаный жилет или лаконичный пиджак. На ногах – надёжные кожаные ботинки: такие, в которых спокойно можно обойти стройплощадку и при этом не испортить образ для фото в корпоративном журнале. Из аксессуаров: простые часы на кожаном ремешке.

В общем, Николай был слишком привлекательным для человека, который так упорно и так безуспешно пытался совладать с папкой. Казалось, между ним и этой папкой шла тихая, но ожесточённая борьба: то ли её обложка была предательски скользкой, то ли в радиусе двух метров от Николая законы физики слегка теряли уверенность в себе. Каждые пару минут папка норовила сбежать. И тут папка наконец одержала верх. Документы выскользнули из рук Николая, разлетелись по полу веером, а один лист совершил особенно эффектное приземление – прямо в тарелку с супом, где замер, слегка размокая по краям, как драматичный финал плохо спланированной операции. Николай перевёл взгляд на бумаги, потом на суп, потом снова на бумаги и выдал с абсолютно

серьёзным лицом:

– Это был важный финансовый отчёт.

– Теперь это важный финансовый суп, – спокойно подхватила Маша.

Он громко, искренне рассмеялся и напряжение, которое висело в воздухе с самого начала встречи сдуло этим смехом. Маша сама не ожидала, но вдруг улыбнулась в ответ – широко и легко, будто кто-то внутри щёлкнул выключателем с «напряжённо» на «нормально». Доев свой суп, Маша попросила две чашки кофе и именно в этот момент на столе зазвонил его телефон. Экран вспыхнул, и крупными буквами высветилось: «Бабушка Таня». Николай на секунду прикрыл глаза.

– Не отвечайте, – тихо посоветовала Маша, чуть наклонив голову и едва сдерживая улыбку. – Если это действительно срочно, она позвонит ещё десять раз. И одиннадцатый. И, возможно, пришлёт СМС с вопросом: «Ты живой?». Николай приоткрыл один глаз, покосился на телефон, потом на Машу и снова рассмеялся, уже не пытаясь прятать улыбку:

– Вы явно знаете, о чём говорите.

Телефон надрывался. Первый звонок Николай проигнорировал. Второй – сделал вид, что не слышит. На четвёртом он сдался с тяжёлым вздохом.

– Да, бабушка…

Маша, не поднимая головы, продолжала листать эскизы оформления, но этот разговор было слышно даже в дальнем

углу зала… словно бабушка вещала через микрофон.

– Я не занят, я на деловой встрече… Нет, это не свидание… Бабушка, я понимаю, тебе хочется правнуков, но давай без крайностей. И Саша не лучше меня только потому, что у него уже есть ребёнок. Я не собираюсь жениться по объявлению… Что значит «две недели»? Это что, дедлайн на личную жизнь? Николай расправил плечи, отстаивая свои права по всем пунктам сразу.

– Бабушка, ты не можешь лишить меня компании!

Маша медленно оторвала взгляд от бумаг и подняла глаза.

– Могу, компания – семейная, а семейный совет пришёл к выводу: если ты не в состоянии наладить хотя бы свою личную жизнь, бизнес тебе доверять рискованно. Так что привези на юбилей в субботу невесту. Настоящую, убедительную, и чтобы улыбалась не как на паспортном фото, а так, будто искренне рада всех видеть. Если не привезёшь – акции уходят Саше. Двоюродному твоему брату. И да, он уже приготовил список идей, как развивать бизнес.

Связь оборвалась с таким резким «пик». Николай застыл, уставившись на экран телефона, словно ждал, что бабушка вот-вот напишет ему извинение.

– Ваша бабушка только что объявила вам ультиматум? – осторожно уточнила Маша.

– Она объявила мне семейную войну! – выдохнул Николай с драматичным размахом, достойным сцены в театре.

– И вы проигрываете?

– Пока счёт не в мою пользу, – признался он с грустной усмешкой.

Николай провёл ладонью по лицу, стирая с него остатки иллюзий, а потом поднял взгляд на Машу. В его глазах читалось: «Сейчас я предложу что-то совершенно безумное, и, пожалуйста, не смотри на меня как на человека, который потерял связь с реальностью».

– Маша, вы ведь профессионально изображаете идеальные события? – Николай выдал это так, словно делал предложение, а не запрашивал услугу.

– Я их организую, – спокойно поправила Маша, держа эскиз в руке, смотря на Николая.

– А в чём разница?

– В том, что на идеальном событии никто не знает, сколько раз я плакала в подсобке, прячась за коробками с одноразовой посудой. И сколько раз мысленно клялась, что это точно последний раз.

Николай наклонился к ней, понизив голос до заговорщицкого шёпота:

– Станьте моей невестой.

Маша моргнула так выразительно, пытаясь перезагрузить восприятие мира.

– Прости-и-те… что?

– Не настоящей. Буквально на час. Ну, может, на вечер.

– Вы хотите нанять меня в качестве невесты? – переспросила она, проверяя не ослышалась ли.

– Только на юбилей бабушки. Один-единственный вечер. Вы придёте со мной, будете улыбаться, смотреть на меня с нежностью… ну, хотя бы с терпимостью, – позволите бабушке выдохнуть и поверить, что семейная драма под контролем. А потом мы торжественно объявим, что свадьба откладывается. а потом мы объявим, что свадьба отложена из-за… чего-нибудь.

– Например? – Маша приподняла бровь.

– Разницы во взглядах, – уверенно выдал Николай.

– На что?

– Да на всё! На цвет скатертей, на музыку, на то, можно ли есть суши вилкой… В общем, на любые мелочи, из которых рождаются великие семейные драмы.

Маша скрестила руки на груди – поза явно говорила: «Продолжай, но шансы тают с каждой секундой».

– И с чего вы взяли, что я соглашусь?

– Потому что вы умеете сохранять ледяное спокойствие, когда горит торт, падает декорация, а директор вдруг решает, что лучший способ уйти с мероприятия – вылезти в окно. Ну и… я, в конце концов, обаятельный парень. Правда, с идеями, которые иногда заставляют задуматься: «А всё ли в порядке с этим человеком?» Она прищурилась, пыталась разглядеть в нём хоть каплю здравомыслия.

– Откуда вы вообще знаете про того директора?

– Это был мой первый корпоратив. Вы тогда спасли репутацию компании, поймав одновременно микрофон, торт и…

ну, скажем так, чрезмерно экспрессивного пьяного директора. – Я приехал к концу мероприятия, но мне рассказали о ваших подвигах.

– Он не был пьяным! – поспешно возразила Маша. – Он был… м-м-м … просто эмоционально раскрепощённым.

– Вот именно! – подхватил Николай с торжествующим видом. – Вы умеете превращать хаос в элегантное шоу. Поэтому я уверен: вы и меня спасёте.

Маша уже открыла рот, чтобы твёрдо сказать «нет». Честно собиралась. Но тут Николай буднично бросил:

– Я заплачу вам сумму, равную вашему месячному гонорару.

– За один вечер? – переспросила она, слегка сбитая с толку.

– Даже за один час, – уточнил он, глядя на неё с надеждой, достойной героя романтической комедии.

– Тогда условия будут моими, – отрезала Маша, и в её голосе прозвучало столько твёрдости, что Николай тут же взял в руку ручку.

– Я слушаю, – кивнул Николай, доставая блокнот.

– Первое: никаких поцелуев без моего письменного согласия, заверенного нотариусом. Второе: вы не врёте о важных вещах, вроде бывших жён, детей и трупов в подвале. Если вдруг окажется, что в подвале кто-то есть, я хочу узнать об этом до входа в дом, а не когда бабушка предложит показать «уютное местечко». Третье: если ваша бабушка заста-

вит меня танцевать, вы танцуете вместе со мной. В одиночку на танцполе я выгляжу как человек, который отчаянно пытается стряхнуть с ноги невидимую жвачку, и это не арт-перформанс, а трагедия. А вдвоём хотя бы создадим иллюзию, что это такой авангардный номер, за который нам потом дадут премию «За смелость». Четвёртое: вы не называете меня «дорогая» с интонацией человека, который судорожно вспоминает моё имя, перебирая в голове варианты от «Маша» до «вроде бы Марина». И пятое – самое важное: если вдруг посреди тоста кто-то крикнет «Горько!», вы делаете вид, что оглохли. У меня к этим крикам профессиональная аллергия… сразу хочется сбежать через окно, как тот директор на корпоративе.

Николай на секунду завис, будто сверял её список с каким-то внутренним регламентом «Как выжить на семейном празднике», а потом осторожно уточнил:

– А если бабушка сама крикнет «Горько!»? Она у меня настойчивая… и с хорошим голосом. То есть, если она крикнет, её услышат даже в соседнем районе.

– Тогда вы героически заслоняете меня своим пиджаком и громко предлагаете всем выпить за здоровье юбилярши. Желательно три раза подряд, причём с такой страстью, чтобы у неё дыхание сбилось и про «горько» она забыла минимум до десерта.

Он кивнул и принялся старательно записывать, бормоча себе под нос: «Заслон пиджаком. Три тоста. Сбить дыхание

бабушки (деликатно, без последствий для здоровья)».

– Принято.

– Ещё… – Маша прищурилась, прикидывала, чем бы его добить, и добавила с лёгкой угрозой в голосе: – Если в какой-то момент я скажу: «Я устала быть невестой», вы немедленно киваете, берёте меня за руку и говорите: «Да, любимая, мы уходим». Главное… чтобы мы ушли.

– Договорились! – Николай протянул руку для рукопожатия, а потом вдруг резко одёрнул её, вспомнил какой-то жизненно важный нюанс. – Хотя стоп… А если я в разгар вечера скажу «любимая» и реально забуду ваше имя? У меня в стрессовых ситуациях память как у золотой рыбки.

– Тогда просто кивайте, хватайте меня за руку и тяните к выходу. Импровизация – наше всё. Главное, не пытайтесь выкручиваться фразой «Ну ты же знаешь…» – это звучит как начало семейной драмы в трёх актах.

– Согласен, – кивнул Николай с видом человека, который только что утвердил план эвакуации с праздничного банкета. – Буду действовать по протоколу «молча и быстро».

– И… шестое условие, – добавила Маша между делом, но в голосе звучала стальная уверенность. – Если всё закончится катастрофой – я получаю двойную оплату.

– А если всё пройдёт идеально? – возразил Николай, слегка приподняв бровь.

– Тогда вы заплатите в тройном размере. За недополученные впечатления. Понимаете, когда всё гладко, без единого

прокола, без паники и без необходимости спасать репутацию – это настолько редкий случай, что сам по себе стоит дороже. Это как увидеть единорога: вроде и мило, но настолько неожиданно, что хочется заплатить просто за сам факт. Или хотя бы за фото, которого не будет, потому что единороги не любят позировать.

Николай посмотрел на неё, потом медленно улыбнулся так, как будто только что понял, что связался с самым опасным и одновременно самым надёжным союзником в своей жизни.

– Вы опасная женщина, – признал он с уважительным оттенком.

– Нет, – спокойно парировала Маша. – Я просто очень хорошо составляю договоры. Особенно когда на кону не просто вечер, а целая семейная драма с элементами комедии и лёгким привкусом катастрофы.

Он снова протянул руку, а затем вдруг сделал преувеличенно торжественный вид.

– Договорились, будущая госпожа Соколова! – провозгласил он и даже слегка поклонился, так низко, что чуть не задел лбом стол.

– Только без пафоса, – фыркнула Маша, но уголки губ всё равно дрогнули в улыбке. – А то бабушка решит, что мы уже на венчание опаздываем, и тут же начнёт искать батюшку.

– Простите, профессиональная привычка, – он выпрямился и заговорщицки подмигнул. – Когда столько лет притво-

ряешься серьёзным взрослым, иногда тянет впасть в другую крайность и устроить цирк. Прямо посреди ресторана.

– Главное, чтобы цирк не случился на юбилее, – строго напомнила Маша, хотя в глазах уже плясали смешинки.

– Обещаю: максимум один клоунский номер и только если бабушка лично попросит. И даже тогда я ограничусь жонглированием салфетками. Не более трёх штук.

Маша покачала головой, пряча улыбку:

– Ладно. Но если вдруг начнёте петь серенаду… я делаю вид, что мы незнакомы. И, возможно, тихо отползаю под стол.

– Заметано. Никаких серенад. Только чинное сидение рядом и героическое спасение от танцев. Я буду вашим щитом от всех конкурсов «узнай свою невесту по силуэту».

– Вот это я понимаю – надёжный партнёр по одному притворному вечеру – кивнула Маша, наконец пожимая ему руку. – С гарантиями, страховкой и чётким планом отступления.

Маша пожала его руку и в ту же секунду из кармана Николая раздалось такое энергичное вибрирование, будто телефон решил исполнить танец маленьких утят. Николай достал телефон, и Маша скосила взгляд на экран: там горело сообщение от бабушки: «Я уже заказала свадебный торт. Надеюсь, у твоей невесты нет аллергии на миндаль».

Маша медленно подняла глаза.

– Вы говорили, что это на один час-вечер?

– Да-да, именно так, – торопливо подтвердил он, но взгляд у него был такой, что он сам уже не очень верил собственным словам.

– А почему ваша бабушка уже заказала торт?

Николай слегка замялся, потом почесал затылок и выдал с обезоруживающей честностью:

– Потому что она всегда немного торопит события. Ну, как поезд, который стартует раньше расписания. Причём сразу с пятого вагона.

Телефон снова ожил, на этот раз пришло сообщение. Татьяна Васильевна не стала мелочиться: прислала фото гигантского торта, украшенного фигурками жениха и невесты. Причём у невесты на торте почему-то были ярко-рыжие волосы.

Маша перевела взгляд с картинки на Николая, потом обратно.

– Она что, видела меня?

– Э… похоже, да, – пробормотал он, избегая прямого зрительного контакта.

– Где?

Вместо ответа Николай молча протянул ей телефон. На экране красовалась фотография с их прошлогоднего мероприятия: Маша стоит рядом с ним, в одной руке микрофон. На снимке она как раз отчитывала директора за попытку утащить бутылку шампанского. А под фото бабушка Таня оставила комментарий: «Наконец-то он встретил нормаль-

ную девушку!»

Маша закрыла глаза и сделала глубокий вдох.

– Николай, кажется, ваша бабушка наняла меня раньше вас.

– Это плохо? – спросил он с надеждой, искренне веря, что всё можно исправить парой вежливых слов.

– Это означает, что на один час мне придётся стать не вашей невестой.

– А кем? – он даже слегка подался вперёд.

Маша открыла глаза, и на её лице появилась та самая улыбка, которая у опытных организаторов обычно означает: «Сейчас начнётся веселье, но вы об этом пожалеете».

– Будущей родственницей, причём чувствую пожизненно, – произнесла она с расстановкой. – А это, поверьте, гораздо опаснее. Тут уже не отделаешься фразой «мы просто посидим и уйдём». Тут тебе и семейные чаты, и вопросы про внуков, и советы по выбору штор. И, самое страшное, она будет смотреть на тебя так, будто ты лично виноват в том, что чай остыл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.